

О.И. Чарина

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов севера СО РАН, Якутск*

**Былина о Тите Харафонтьевиче, записанная Д.И. Меликовым
в Нижнеколымском крае Якутской области в 1893 году**

Аннотация: В статье приводятся новые данные о записи русского фольклора на Колыме в рамках сибиряковской экспедиции, хранящиеся в архиве ЯНЦ СО РАН, записанные Д.И. Меликовым в 1893 г. В представленных материалах даны песни лирические, исторические, одна балладная, три андыльщины, две былины. Материал представляет безусловный научный интерес.

The article shows the now facts about recording the russian folklore in Kolyma within Sibiriyakov's expeditions; these records were made by D.I. Melikov in 1893 and are kept in the archive of the Yakutian Scientific Centre. These materials include the lyric songs, the historical songs, one ballade, three andil'ishina, two bilina (russian tradition poem). The material is of undoubted scientific interest.

Ключевые слова: архивные материалы, русский фольклор, былины, исторические, балладные, лирические песни, андыльщины.

Archives materials, russian folklore, bilina, ballade, lyric songs, and'ilshina.

УДК: 821:398.

Контактная информация: Якутск, ул. Петровского, 1. ИГИПМНС СО РАН. Тел. (4112)354245. E-mail: ochar@list.ru.

В настоящей статье мы предлагаем былинку о Тите Харафонтьевиче, входящую в новый корпус фольклорных произведений, которые в конце XIX в. записал Д.И. Меликов. Судьба Дмитрия Ивановича Меликова сложна, насыщена различными событиями и, в конечном итоге, трагична. В недавней публикации сотрудник Национального архива Республики Саха (Якутия) Э.М. Яковлев о действительном статском советнике Д.И. Меликове пишет следующее: «Дмитрий Иванович родился 12 сентября 1851 г. (по ст. ст.) в г. Пенза в семье обер-офицера. В 1878 г. закончил юридический факультет Казанского университета. В сентябре того же года зачислен на службу в Главное управление Восточной Сибири переводчиком с китайского языка. В июле 1879 г. его назначают приморским областным стряпчим. В декабре 1881 г. он становится прокурором Якутской области, и с этого времени его судьба до самой смерти будет связана с Ленским краем. Работает в основном в судебных органах: следователем, почетным мировым судьей г. Якутска, с 1891 по 1897 г. – советником областного управления. В 1909–1919 гг. Д.И. Меликов является членом окружного суда, работает присяжным поверенным. Дмитрий Иванович за добросовестную службу был награжден орденом Святой Анны 2-й ст., Святого Станислава 3-й ст., серебряной медалью на Александровской ленте для ношения на груди и нагрудным знаком в память 50-летия Судебных уставов» [Яковлев, 2009, с. 62–63].

В «Историко-графическом атласе города Якутска в 1917 г.», составленном П.В. Поповым, читаем: «В квартале пятьдесят девятом двор и строения чиновника Якутского областного управления Дмитрия Ивановича Меликова, получившего

широкую известность среди местного населения и политссылных по защите на суде по делу участников «Монастыревской трагедии» в 1889 году в г. Якутске и уволенного за это со службы. Он пользовался большой признательностью среди бедноты за свою благотворительную деятельность: всякий нуждающийся шел к нему за помощью и получал ее деньгами или продуктами или же одеждой. Он был известен также как большой библиограф, любитель и собиратель редких краеведческих книг и рукописей. По сведению, у него была часть книг и рукописей Н.Г. Чернышевского, и неизвестна их судьба, куда они девались. Он в течение многих лет вел дневник: ежедневно записывал все редкие события, которые происходили в г. Якутске и во всей Якутской области; также не известна их судьба, очевидно, погибли при ликвидации имущества после его смерти, в том числе и его громадная краеведческая библиотека» [Попов, 2009, с. 104].

В рамках сибиряковской историко-этнографической экспедиции 1894–1896 гг. «Д.И. Меликов принял на себя работу по криминальной психологии якутов на основании данных, находящихся в делах местных и административных учреждений» [Якутия, 2007, с. 353]. Помимо того, что Д.И. Меликов был председателем Якутского окружного суда, служил прокурором Якутской области, он являлся также председателем местного Кружка любителей русской поэзии.

В период установления в Якутии советской власти Д.И. Меликов поочередно, то работал в госучреждениях, то сидел в тюрьмах. В 1920 г., «его как пособника царизма и ярого реакционера» увольняют со службы в судебных органах. В 1921–1923 гг. он работает в губархиве – сначала в качестве сотрудника, затем заместителем завгубархивом Е.Д. Стрелова. В 1924–1927 гг. Меликов состоит на службе в различных советских учреждениях. С осени 1928 г. в Якутске начинается большая чистка совгосучреждений от социально-чуждых элементов, и он попадает под эту чистку. После этого времени сведения о Д.И. Меликове в архивных материалах почти не встречаются. Известно только, что в 1932 г. он числился рабочим Сангарских¹ угольных копей и по специальному пропуску временами приезжал в Якутск. Дата смерти и место захоронения не установлены [Яковлев, 2009, с. 64].

Неизвестные и утерянные материалы Д.И. Меликова, в частности, относящиеся к его путешествию 1893 года, были переданы в Архив Сибирского отделения РАН неизвестным лицом в 1972 г. В настоящее время это ф. 4, оп. 18, ед. хр. 1–4: Меликов Д.И. Путевые записки «В Гижигу через Колымск». 1893. В сопроводительном письме (август 1972 г.) директор Института языка, литературы и истории СО РАН Е.И. Коркина пишет: «Институт ЯЛИ ходатайствует <...> о необходимости внесения путевых заметок жителя г. Якутска Д.И. Меликова об экспедиции, проведенной в 1893 году по маршруту г. Якутск – Колымский округ – Гижига² – Якутск объемом 329 рукописных листов большого формата. Путевые заметки содержат много интересных сведений по климату, природе Колымского округа, быту, обычаям северных народностей и могут быть использованы в качестве вспомогательного материала при научных изысканиях сотрудников Института (историков, этнографов)». Далее Е.И. Коркина пишет, что «записки Меликова оценены комиссией в сто рублей. Лицо, продавшее эти путевые записки, просит стоимость их перечислить на счет Советского фонда мира в Якутской конторе Госбанка» [Меликов, 1893, л. 1]. Надо сказать, что сумма для 1972 г. была довольно значительной.

Следует отметить тот факт, что Д.И. Меликов имел административный ресурс и поехал за счет командировки от своего ведомства для инспекции в Колым-

¹ Сангары – поселок, центр Сангарского района, находится на реке Лене чуть выше устья Вилюя.

² Гижига – село в Северо-Эвенском районе Магаданской области России на берегу Охотского моря, к которому должен был продвигаться Д.И. Меликов.

ский край, в то время, как сама сибиряковская экспедиция была начата годом позже – в 1894 г. Рукописи Д.И. Меликова составляют несколько книг, из которых научный интерес для фольклористов представляют две книги «Путевых записок» 1893 г. общим листажом в 229 страниц. При этом следует указать, что Д.И. Меликов писал на двух страницах тетрадей большого формата, нумерация страниц введена лишь на правую страницу, таким образом, два листа относятся к указанной странице.

Сам Д.И. Меликов видел цель путешествия в исследовании «Верхоянского и Колымского полиц<ейского> Управления, изучение быта, качества и поведения служащих, (неразб.) к улучшению их положения, выяснения всесторонне, условий водворения государственных и других ссыльных.

2 цель – самая интересная и желательная – открытие нового пути из одного какого-либо прибрежного пункта Охотского моря к реке Колыме.

3 цель – изучение податей системы (инородцев) северных округов, способ взимания податей. Количество и определение инородцев, подлежащих сбору (так у Д.И. Меликова. – *О. Ч.*) и проживающих в округах» [Меликов, 1893, л. 1].

Очень обстоятельны и крайне интересны путевые записи этнографического характера. Так, продвигаясь по Нижнеколымскому краю, он писал: «Следующая остановка от Крестов была в тридцати верстах от Нижнеколымска на заимке казака Богданова. Дом русский, ведется по-русски. Сам хозяин собой старый, с густой бородой, вышел к нам навстречу, на свою заимку. Подан был чай и закуска, обычная в Колымском крае: строганина, мерзлые, жирные ломтики чиров, оленин сырой жирный мозг (из ножных костей оленя), и вареная, тоже мерзлая пенка. Последняя была очень нежная и вкусная, была приготовлена из оленьего молока. Изба опрятная, чистая, с чистыми вымытыми дрсевой полами, на столе скатерть, тарелки, ножи и вилки. Хлеб черный, по-хорошему выпеченный и вкусный. Хозяин заимки к числу богатых не относился. Порядок и чистота – таков обычай. Прекрасно» [Меликов, 1893, л. 203].

Далее следуют его крайне интересные замечания по этнографии и языку нижнеколымчан: «Все говорят по-русски, ни слова по-якутски. Все одеты в русские одежды, кроме верхней шубы – кухлянок мужиков. Говор какой-то особенный, ласковый, голоса мелодичные и сердечные, все шепелявят и сюсюкают, не выговаривая букву л. Говорят, напр.: “сыядка ея” (сладко ела), “шья мией” (шла милей). Нижнеколымчан ввиду этого называют “сладкоголосые”» [Меликов, 1892, л. 203].

В сборе фольклора русского населения Нижней Индигирки Д.И. Меликову, как можно понять, помогал среднеколымчанин Власов Семен Герасимович, который собрал для него несколько песен (ряд произведений для него исполнил Соколов). В записях представлены былины про Добрыню Никитича и Змея («Осталось у Никиты все житье-бытье», № 14) и про малолетнего богатыря Михаила Даниловича («Тит Харафонтьевич», № 8), исторические песни про Михаила Скопина («Скопину-то родна матушка выговаривала», № 2), про сына Степана Разина («Заявился в камен город детинушка», № 9), про Захара Чернышева и Прусского короля («Ты талан ты мой таланчик», № 11), балладная песня про Ваньку-ключника («Про ключника», № 10), лирические песни «Прощай, радость, жизнь, веселье» (№ 5), «Солнце красное, катися за леса» (№ 7), «На заре было на зореньке» (№ 3), «Течет речка, течет быстра» (№ 4), «Сказали про молодца» (№ 6), а также три андыльщины (№ 1, 13, 14). Кроме андыльщин остальные произведения фольклора – песни, былины, – в целом известны и сходны по сюжетам с теми фольклорными текстами, которые примерно в то же время, в 1895 г. записал В.Г. Богораз. Причем, его записи русского фольклора на Колыме в течение нескольких лет, с 1895 по 1896 гг., «объехав почти все поселения, где, между прочим, занимался собиранием фольклора и лексики колымчан», – сообщает Ю.И. Смирнов и сетует на то, что у Богораз не было «профессиональной подго-

товки», что «обусловило невысокое качество записей и равнодушие собирателя к фиксации вариантов и версий» [Русская эпическая поэзия, 1991, с. 33]. В этом плане важным фактом является тот, что Д.И. Меликов записывал в одно время с Богоразом, от одних и тех же исполнителей, в частности, от Соковикова. В случае с Д.И. Меликовым, при всей подробности записи текстов, вызывает сожаление следующее: у него нет указаний фамилий, указания возраста исполнителей.

Приведем сравнительную таблицу № 1 зафиксированных в конце XIX в. сюжетов:

	Меликов - 1893	исполнитель	Богораз - 1895	исполнитель
1	Тиг Харифонтъевич	Не известно	О Мишеньке Данильевиче	Соковиков
2	Добрыня Никитич	Не известно	Добрыня и Змеинище Горынище	Соковиков
3	Скопину-то родна матушка выговаривала	Соковиков		
4	Про ключника	Соковиков		
5	Ты талан, ты мой таланчик	Соковиков		
6	Незнамый гость	Соковиков	Незнамушка	Дауров
7			Алеша Попович и Тугарин Змеевич	Соковиков
8			Илюша и Идолище	Соковиков
9			Дюк Степанович	Соковиков
10			Потоп Михайлович	Соковиков
11			Девушка нашла милого утонувшим	Соковиков
12			Садко богатый купец	Соковиков
13			Иван Кулаков	Соковиков
14	Течет речка, течет быстра	Не известно		
15	Прощай радость, жизнь, веселье	Не известно		
16	На заре было, на зореньке	Не известно		
17	Солнце красное	Не известно		

Основные материалы по русской эпической и лирической песне представлены в сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока», как выясняется, по географии можно найти некоторые уточнения и дополнения. Так, баллада «Ванька-ключник» фиксировалась только на Индигирке [Русская эпическая поэзия, 1991, № 145, 145а, 146], но у Д.И. Меликова в исполнении М. Соковикова она имеет развернутый и психологически напряженный сюжет. Вместе с тем, как видим, те произведения фольклора, которые зафиксированы В.Г. Богоразом, не исполнялись для Семена Герасимовича, это сюжеты: «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», «Илюша и Идолище», «Дюк Степанович», «Потоп Михайлович», «Девушка нашла милого утонувшим», «Садко богатый купец», «Иван Кулаков» [Русская эпическая поэзия, 1991, № 25, 29, 32, 49, 84, 85, 92]. Вызван ли этот факт тем,

что у С.Г. Власова не было времени, либо невозможностью М. Соковиковым исполнять произведения; возможны и другие причины.

По имени, по той обстановке, которую нам представили Д.И. Меликов и С.Г. Власов, по репертуару видно, что Соковиков, рассказавший две былины, это тот же персонаж, который являлся информатором В.Г. Богораза. Когда Д.И. Меликов приводит андыльщины, он пишет, что спел их «известный Михаил Филиппович Соковиков» [Меликов, 1893, л. 204].

Ю.И. Смирнов ссылается на В.Г. Богораза, который в свою очередь писал: «Единственный сохранившийся в живых посказатель старины Михайло Соковиков, по прозвищу Кулдбрь, старик 70 лет, происходит из семьи бывших станичных казаков, ныне мешан. По рассказам, и отец и дед его славились посказательностью и умением петь. Михайло говорит, что он не знает и десятой доли того, что знал его отец. Тем не менее, заметно, что он смолоду тоже должен был обладать хорошей памятью. Про него рассказывают, что в молодости он прельщал купцов песнями и собирал от них каждую весну обильные подарки во время праздников на ярмарке» [Русская эпическая песня, 1991, с. 377]. Далее сообщает, что старик обладал независимым характером, очень страдал после гибели его сына, которого называли Ванька Кулдаренок. Об этом же пишет А.Г. Чикачев [Чикачев, 1993, с. 19]. При некоторой натяжке можно предположить, что те записи, которые проводил С.Г. Власов, могли происходить в период после гибели его сына.

Как видим, собраны различные по жанрам песни, но мы подробнее остановимся на былине «Тит Харафонтъевич». Так, Дмитрий Иванович пишет: «В Среднеколымске я познакомился с одним ссыльным, Семеном Герасимовичем Власовым. Это был редкостный [человек], центнер черноземной силы, необъятный размах, рост, буйной могучей силы. Он был душой младенец, чистый, ласковый, преданный и добрый. Любил детей он до самозабвения, боготворил своего отца, пользовал его взаимностью, был преданным, огромным товарищем и, безусловно, до простоты добрым человеком. Будучи в Нижнеколымске Семен Герасимович слышал от одного старика былину, записал начисто и дал мне. Я запишу написанное Власовым в настоящую запись» [Меликов, 1893, л. 206].

Тит Харафонтъевич

Подступила под град сила великая,
Сорок царей, сорок царевичей,
Еще сорок королей, сорок королевичей,
И что под каждым царем, под каждым царевичем,
Да и под каждым королем, каждым королевичем
Войско по три тьмы и по три тысячи,
А что под самим-то Титом Харафонтъевичем
Силы той и счету нет.
Как и хвалится Тит, похваляется,
Как над славным царством поглумляется:
«А я вашего князя солнышко Владимира на разстрел пушу,
А его молодую княгиню за себя возьму,
Как и всех дев и баб я под блуд склоню,
А я Божии церкви под конюшню обращу,
А и царское именье головней сожгу.
Выходи же, кто удал, в поединочек со мной!»
Тут и пали, перепали переносчички,
Как и те переносчички и докладнички,
Донесли они князю-солнышку Владимиру,
Что Тит просит себе поединщика:
«А не дашь ты ему, князь, поединщика,
Он грозит твое царство все разором разорить,

А твою, князь, дружину всю дотла перебить,
Да и всех от мала до велика еще по миру пустить!»
Как у нашего солнышка Владимира
Было столованье почестен стол.
Было пиrowанье почестен пир.
Собрались там богатыри могучие,
Как и вставал наш солнышко, Владимир-князь,
На свои на ноженьки на резвые,
Как он на те на сапожки, на зелен сафьян,
И на те на каблучки на верейчатые,
Как на те на гвоздочки на серебряные,
И просил он свои помощницы удалые:
«Ах вы, думные министры, богатыри,
Уж не дайте вы врагу над нами надругаться,
Заступитесь за веру православную,
За мать, пресвятую Богородицу!»*¹
Тут и старший тут хоронится за среднего,
А средний хоронится за младшего,
А от младшего, братцы, совсем совету нет.
И сидит тут между ними Данила Игнатьевич,
Сидит на скамье дубовенькой.
Поднимался он тут на свои на ноженьки,
И подгибался под ним тот кирпичный пол,
И говорил Данилушка Игнатьевич таковы слова князю Владимиру:
«Эх, кабы я, Данила, в монахи не постригся допреж,
Как мне Даниле в келье не молиться,
Заступился бы я за веру христианскую,
За мать пресвятую Богородицу.
Есть у меня сыночек Мишенька.
Эх, было б моему Мишеньке хоть под двадцать лет,
Отправил бы я его с Божьей помощью.
А от роду Мишеньке лишь 15 лет.
Не может еще Миша на коне сидеть,
Не может еще Миша саблей владеть,
Не под силу еще Мише биться с недругами».
Таковы слова Данила молвил, сам и вон пошел.
Но послал царь послов до Мишеньки Даниловича,
Подходили послы к Мише к окошечку
И будили его ото сна богатырского громким голосом:
«Ты иди, Миша Данилович, тебя царь зовет,
Мы не знаем, на что зовет, про то не ведаем».
Вставал тут Миша с кровати тесовой,
Надевал он сапожки зелен сафьян,
Надевал он шубочку черных соболей,
Он шапочку надевал земли греческой,
Отправился он ко князю солнышку Владимиру,
Отворял он тут в гримни двери на пяту,
Закрывает он дубовое крепко-накрепко.
Он крест кладет по-ученому,
И поклон да и по-писаному,
А и князю а княгине на особицу.
Тут встречает Мишу князь с честью, с радостью,
Принимал он Мишеньку Данильевича за велика гостя,
Проводит он Мишу вечерять за стол,
Угощает Мишеньку Даниловича зеленым вином.
Ему трижды подносили по полной чаре вина,
А и в той чаре вина была а треть ведра,

¹ «Напоминает бунт атамана Некрасова», – помета Д.И. Меликова.

А и в третьем рогу подавали ему меду на закусочку.
Тут-то вставал Владимир-князь из-за дубова стола
И как Мишеньке говорил он таковы слова:
«Ах ты гой еси, Мишенька Данилович,
Ты не знаешь, Мишенька, невзгодушку немалую,
Подступили под наш град сила басурманская,
Как от той силы нет никому ни ходу, ни проходу,
Поезжай же ты, Мишенька, во чисто поле,
Во чисто поле, в широкое раздолье,
Как и в ту силу, силу неправую¹,
Ты расчисти тут, Мишенька, дороженьку широкия.
Пропусти ты наши запасы княжеские,
Заступи же ты, Миша, за веру православную,
За мать пресвятую Богородицу!»
Тут Миша вставал из-за дубова стола,
И сам он говорил таковы слова:
«Ну и пусть не берут, князь, по-твоему,
Я согласен пристать за веру православную,
Заступлюсь я за мать пресвятую Богородицу,
И пойду я в бой с тем недругом».
Выходил тут Миша из зором княжецких,
Разыскал он родителя своего Данилу Игнатьевича,
Разыскал он его, ему кланяется,
Как просит он у него благословение.
«Ах ты, птенчик мой, милый, родненький,
Ведь еще же ты, Мишенька, маленький,
Кудись тебе с басурманами биться-воевать?
Ну да раз ты слово дал, так его уже не менять.
Иди же ты, мой родной, во конюшенку,
Забирай себе лошадку помирнее всех,
Которая тянет лишь двадцать пудов».
Как поехал тут Мишенька во чисто поле,
Как и биться-рубиться с басурманами.
Как и бился он тут день до вечеру,
И рубился ор тут всю ноченьку,
И опять воевал он с утра до вечеру,
С добра коня не слезаючи,
Не пиваючи, не едаючи.
Приходили тут Мишеньке удары несносные,
Наносили удары смертоносные.
Как и припадал Мишенька к шее лошади,
Да и свешивал он с нее буйную головушку.
Как и лошадь тут сама поворачивалась,
Уносила его лошадь из стана вражеского,
Подносила его лошадь к крыльца княжескому.
Тут прибежал сюда сам Данила Игнатьевич,
А его Мишенька уже Богу душу отдал.
Как и с горя Данила к князю бросается,
И кричит он князю зычным голосом:
«Было у меня, князь, едино детище,
Был от старого дуба единый отросточек.
Да тот-то князь отрубил-загубил!
Ах, к чему тебе было, князь, молодого запаивать,
Ах, к чему тебе его заговаривать?
Как померкло мое солнце красное,
Закатилась моя звезда прекрасная!»
Еще так и эдак Данила Игнатьевич взывал,

¹ «Иноверческую», – помета Д.И. Меликова.

Под собою мраморный пол, как глину топтал,
 Да и вдруг Данила поворот отсель давал.
 Как и солнышко Владимир во догон ему кричал:
 «Ах, и что ж мне, Данила твои печали утолить?
 Как устрою я Мишеньке похороны цареви,
 На помин души Мишеньки я велю во всех церквах звонить,
 На помин души Мишеньки велю во всех церквах служить».
 Тут выбегал Данилушка Игнатъевич из княжеских хором,
 Тут поспешил Данила во свою конюшенку,
 Выбирал он сабельку позвонче всех.
 Выбирал Данилушка лошадку побыстрее всех,
 И садился тут Данила на добра коня,
 Выезжал он на нем в силу, в неверчину.
 Просыпалась в Даниле удаля богатырская,
 Куда саблей он бил, там и улица,
 Повернется – а переулочками.
 Всю он прибил, притоптал силу вражескую.
 Как имал же тут Данила и Тита за космы,
 Притягивал он его за хвост к коню,
 Поворачивал коня он круто-накруто,
 Он пускал коня по лесам и долам,
 Он порастилал он коня по великим по горам.
 Он разлетывал по всей земле кости Титовы,
 Как потом же приезжал он к своей кельюшке.
 Запирался он тут на моленьице,
 На моленьице большое-долгим долгое,
 Он и людям уже больше не показывался,
 Богу он тут так представился
 [Меликов, 1893, л. 206–208].

Зафиксированные былины «Тит Харафонтьевич», «Добрыня Никитич» [Меликов, 1893, л. 207–208, 211] имеют достаточно развитый сюжет, мотивированные действия героев, их характеристики. Былина о Мишеньке Даниловиче (см. также: Тит Харафонтьевич) фиксировалась на Нижней Колыме и на Индигирке [Русская эпическая поэзия, 1991, № 50–58].

Таблица № 2

	Сюжет	Год сбора	Место сбора	Исполнитель	Собиратель	Общая исполнительская традиция
Колыма						
1	Тит Харафонтьевич	1893	Нижняя Колыма	Не известно	Д.И. Меликов	
2	56 О Мишеньке Даниловиче	1895	Нижняя Колыма	М. Соковиков	В.Г. Богораз	
3	57 Данила Игнатъевич	1959	Нижне-колымск	М.Г. Решетников	С.А. Федосеева	

		вич и его сын					
4	58	Данила Игнатьевич и его сын	1961		М.Г. Решетников	Т.А. Селюкова	
5	59	Данила Игнатьевич и его сын	1961	П. Походск (Колыма)	И.Г. Гуляев	Т.А. Селюкова	
Индигирка							
6	50	Данила Игнатьевич и его сын Михайло	1912	Рус. Протока (Индигирка)	К. Рожин	В.М. Зензинов	
7	52	Старина про Тита	1928	Русское Устье (Индигирка)	Н.Г. Чихачев	Л.Д. Травин	
8	53	Данилышко Игнатьевич и Тит	1946	Полярный (Индигирка)	И.Н. Чикачев	Н.А. Габышев	
9	54	Данилушко Игнатьевич и Тит	1946	М. Косухино (Индигирка)	С.П. Киселев	Н.А. Габышев	
10	51	Старинная песня про Данилушку	1982	Полярный (Индигирка)	Н.К. Рожин	Ю.И. Смирнов	Мезенско-кулойская традиция
11	55	Про Данилушку	1982	Полярный (Индигирка)	Е.С. Киселев	Ю.И. Смирнов	

Таблица № 2 наглядно показывает, что былина бытовала и на Колыме, и на Индигирке. Здесь отражены показатели времени и места фиксации варианта былины, указаны исполнитель и собиратель. Как видим, почти все они приводятся по сборнику «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока». Отрывок № 55 этого сборника дан в прозе. Можно предположить по сюжету, образам, что В.Г. Богораз записал былину от М. Соковикова, а запись Д.И. Меликова произведена от другого лица. Вместе с тем видно, что на Колыме сходная традиция, М.Г. Решетников, и И.Г. Гуляев исполняют свои варианты былины в рамках этой общей традиции.

Заметно, что ретроспективный перечень сюжетов показывает, что вариативность ведет к укорочению сюжетов, а после восьмидесятых годов XX в. былина не фиксировалась.

Далее приводим таблицу № 3, связанную с особенностями сюжета.

	Название сюжета	образы	зачины	концовки	Характер исполнения
Колыма					
	Тит Харафонтьевич	Тит Харафонтьевич, князь солнышко Владимир, Данила Игнатъевич, Мишенька Данилович	Поступила под град сила великая	Богу он тут так представился	
	О Мишеньке Даниловиче	Тит Фарафонтьевич, царь Тимофей солнушко Владимир-князь, Мишенька Данильевич, Данилушка Игнатъевич	Воступает подражье великое	Стольный Киев-град Да сделаем ему похороны княжеския	
	Данила Игнатъевич и его сын	Царь Владимир, Апракся, Тит Хорохонтъевич	Поднималась туча грозная	Русь святая Я в монастырь пойду молитесь	
	Данила Игнатъевич и его сын	Тит Хорохонтъевич, Дусечка Апраксевна, Мишенька, Данила Игнатъевич, Владимир красно солнышко	Жил Данила Игнатъевич	Русь святая Я в церковь пойду молитесь	
	Данила Игнатъевич и его сын	Тит Хорохонтъевич, князь солнышко Владимир, Миша Данилович, солнышко Владимир, Алеша Попович, Добрыня Игнатъевич	Там даледалёченько, за синим морем	Не была ты князина великая...	<i>Половина стихи, половина – проза</i>
Индиگیرка					
	Данила Игнатъевич и его сын Михайло	Тит, Данилюшко Игнатъевич, Михайлушка Данильевич, царь Тимофей	Со во с той стороны	Иерусалим Данилюшко кидался о кирпичевый мост	
	Старина про Тита	Княж Тимофей, Тит, Михайлышко Данильевич, Данилишко	Как у князя Тимофея был почестен пир	Ерусалимский город Его косточки-суставчики не позналися	
	Данилышко Игнатъевич и Тит	Чит, сар, Данилышко Игнатъич, Михайлышко	Едет Чит, похваляется	Швеча догорела и Михайлышко переставился	
	Данилушко Игнатъевич и Тит	Тит, царь Тимофей, Данилушка Игнатъевич,	Как от той было сторончки	Русалимская церква Его косточки-суставчики спозналися	
0	Старинна песня про		<i>Отрывок</i> Вот и жил Данилушко	Как назад махнет, да перелучки	

	Дани-лушку				
1	Про Дани-лушку	сар	<i>Отрывок</i> Ну вот он когда принес	Побеждает – разбивается на каменный мост, и разбивает о мост голову	<i>проза</i>

В этой таблице приведены основные образы и основные характеристики сюжета. Как видим, на Колыме и Индигирке зафиксированы разные варианты исполнения этой былины. Так, Ю.И. Смирнов пишет «Примечательно, что в индигирских вариантах нет и следа киевизации. Их эпическое время и место действия условны: действие происходит в Иерусалимском царстве, в пору правления царя Тимофея, вражеский предводитель назван Титом Ферাপонтовичем, правда, с уточнением что он – “Тита брата зверь” (Китоврас-зверь) в чем усматривается влияние письменного сказания о Соломоне и Китоврасе)» [Русская эпическая поэзия, 1991, с. 387]. Заметно, что на Индигирке образ Тита предстает без отчества, на Колыме – Тит Харафонтьевич (Хорохонтьевич). В индигирских вариантах былины князь (царь) – Тимофей, в колымских – князь Владимир. В варианте № 56 наличествует путаница, связанная с тем, что вначале речь идет о царе Тимофее, а затем одно из главных действующих лиц – «князь Владимир» [№ 56].

Былины в целом схожи, но в колымских вариантах появляется Апраксея (№ 57, 58, 59); Олеша Попович, Добрыня Игнатьевич (№ 59). Также важно то, что в целом и в колымской, и в индигирской традиции развит мотив горя отца несвоевременно похвалившегося своим сыном и потерявшим его. Не во всех вариантах отражен мотив самоубийства отца – Данилы Игнатьевича, а в варианте, записанном Д.И. Меликовым, этот мотив смазан, даже показано, что отец умер от горя:

Запирался он тут на моленнице,
На моленнице большое-долгим долгое,
Он и людям уже больше не показывался,
Богу он тут так представился.

Что касается интересующих нас вопросов взаимовлияния русского и якутского языка и фольклора, постоянно изучаемых нами, то в данном случае мы не можем говорить о факте подобного влияния.

Эти произведения нам еще предстоит изучать.

Литература

- Меликов Д.И. Путевые записки в Гижигу через Колымск. 1893 // Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4 оп. 18, ед. хр. 1, л.- вкладыш; ед. хр. 2. л. 202–212.
- Попов П.В. Историко-графический атлас города Якутска в 1917 г. / Сост. И.И. Юрганова и др. Якутск, 2009.
- Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). Новосибирск, 1991.
- Чикачев А.Г. Походск. Старинное русское село на Колыме. Иркутск, 1993.
- Яковлев Э.М. Действительный статский советник Д.И. Меликов // Якутский архив. Историко-документальный научно-популярный иллюстрированный журнал. 2009. № 3/4. С. 62–63.
- Якутия. Историко-культурный атлас. Природа. История. Этнография. Современность. М., 2007.